

Первые съмна христіанства у Руси въ IX в.

Для исторіи начального христіанства собственно Руси большое значение имѣютъ два древнихъ житія—свв. Стефана Сурожскаго и Георгія Амастридскаго, говорящія о первыхъ извѣстныхъ въ исторіи случаяхъ соприкосновенія Руси съ христіанской истиной. Случай эти относятся къ началу или, по крайней мѣрѣ, къ первой половинѣ IX столѣтія, т. е. къ эпохѣ, предшествующей пресловутому лѣтописному 862 г., къ которому раньше обычно, вслѣдъ за лѣтописцемъ, относили самое начало Руси; въ этомъ особенный интересъ данныхъ житій.

Въ первомъ изъ нихъ—житіи св. Стефана Сурожскаго содержится, между прочимъ, разскaзъ о томъ, какъ „рать велика роусскаа“¹⁾ во главѣ съ „зѣло сильнымъ“ княземъ Бравлиномъ произвела опустошеніе по всему южному берегу Крыма—отъ Корсуня до Керчи („Корча“ или „Керчева“). Въ ряду другихъ городовъ пострадалъ и Сурожъ (нынѣ Судакъ, прежняя Сугдея), гдѣ при разграбленіи гроба съ мощами святителя Стефана князь Бравлинъ былъ пораженъ чудомъ („обратися лице его назадъ, и лежа пѣны то-чаше“). Въ результатѣ этого чуда князь отказался отъ всей

¹⁾ Прибавка „изъ Новаграда“ „могла быть прибавлена послѣ переписчиками“ и во всякомъ случаѣ существенного значенія не имѣть, или же она является указаниемъ на Таврическій городъ Неаполь,—см. у академика Васильевскаго въ „Русско-Византійскихъ изслѣдованіяхъ“ въ 9 вып. „Лѣтописи занятій Археографической Комиссіи“, СПБ., 1893 г., отд. 2, стр. 300—301.

погребленной добычи и крестился вмѣстѣ съ „болярами всѣми“.

Хотя житіе это, какъ признается специалистами, само по себѣ является назидательно-компилиативнымъ произведениемъ русскаго книжника XV вѣка, однако обстоятельное изученіе его привело нашихъ ученыхъ къ убѣждѣнію въ томъ, что оно „не есть простое сочиненіе русскаго автора, а ведетъ свое начало отъ необходимо предполагаемаго древняго источника, писанаго, конечно, на греческомъ языкѣ“, что „рассказъ о нашествіи русской рати на Сурожъ заключаетъ въ себѣ подлинную историческую основу“¹⁾. Въ такомъ случаѣ важно опредѣлить время даннаго нападенія русской рати на Сурожъ: по сказанію, оно произошло „мало лѣтъ“ спустя послѣ смерти епископа Стефана Сурожскаго, умершаго въ концѣ VIII вѣка (около 790 года); слѣдовательно, это важное для насть событіе, какъ опредѣляютъ²⁾, имѣло мѣсто въ первой четверти IX в.

А. А. Шахматовъ въ своей ст. „Корсунская легенда о крещеніи Владимира“³⁾ переносить однако данные событія, изображенныя въ житіи св. Стефана,—въ X вѣкѣ—въ эпоху Владимира Св.; однако, по замѣчанію С. Шестакова⁴⁾, Шахматовъ отбрасываетъ результаты изслѣдований Васильевскаго „съ легкостью, вызывающей большое сомнѣніе“, но дѣлать это „рѣшительно невозможно“: „настолько прочны хронологическія соображенія Васильевскаго“. Дѣйствительно, прежде всего, пользуясь аргументомъ самого Шахматова, въ отвѣтъ ему мы сошлемся на то, что свѣдѣній о расширеніи Корсунскаго похода Владимира и на все Крым-

¹⁾ См. „Русско-Византійскіе Отрывки. Житіе св. Стефана Сурожскаго“ В. Г. Васильевскаго—„Ж. М. Н. Пр.“ 1899 г., майск. и юньск. кн. и въ „Лѣтописи занятій Археографической Комиссіи“ вып. IX, СПБ., 1893 г. отд. 2—„Русско-Византійскія изслѣдованія“ его-же, см. также въ „Исторіи“ Голубинскаго I пол. I т., 2 изд., стр. 53—60, также въ ст. А. В. Карташова—„Христіан. Чтеніе“ 1908 г. кн. майск. и др.

²⁾ Ibidem.

³⁾ 2-й т. „Сборн. статей, посвященныхъ В. И. Ламанскому“ СПБ., 1908 г., стр. 1149—1151 и отд. отт.

⁴⁾ См. „Ж. М. Н. Пр.“ 1908 г. январь—рецензія на уп. ст. Шахматова.

ское прибрежье никакихъ не имѣется, хотя ихъ имѣть было бы естественно, разъ Корсунская легенда была очень распространена и свѣдѣнія объ этомъ Корсунскомъ походѣ записаны въ разныхъ лѣтописяхъ. Затѣмъ въ князѣ Бравалинѣ совершенно немыслимо видѣть какія-либо черты, напоминающія Владимира,—да и Русь Бравалина и Владимира—разныя по степени своей культурности. Къ тому-же крещеніе Владимира такъ широко было извѣстно всюду, что о немъ, съ сохраненіемъ имени князя, записали и западно-европейскіе, и восточно-мусульманскіе лѣтописцы; удивительно, какъ это лишь въ Сурожѣ, недалеко отъ Корсуня, въ предѣлахъ Византійскихъ, въ тѣхъ мѣстахъ, где Владмиръ дѣйствовалъ, онъ получилъ совершенно непохожее имя Бравалина и разсказъ о крещеніи его оказался испорченнымъ до неузнаваемости.

Разсказъ житія Стефана Сурожскаго о походахъ Руси и крещеніи нѣкоторыхъ ея представителей въ началѣ IX в. стоитъ тѣмъ тверже, что имѣть для себя опору въ извѣстіи подобнаго-же рода, заключающемся въ другомъ житіи—св. Георгія, епископа Амастридскаго,—происхожденія уже несомнѣнно греческаго и древняго. Житіе это,—какъ установлено, написанное вскорѣ послѣ смерти св. Георгія (послѣдовавшей между 802—807 г.г.) и во всякомъ случаѣ до конца иконоборческаго періода, т. е. до 842 г.,—житіе, между прочимъ, разсказываетъ „о нашествії“ на Амастриду „варваровъ, Руси—народа, какъ всѣ знаютъ, въ высшей степени дикаго и грубаго“, „губительнаго и на дѣлѣ, и по имени“. „Звѣрскіе нравами, безчеловѣчные дѣлами, обнаруживая свою кровожадность ужъ однимъ своимъ видомъ“, Руссы, „начавъ разореніе отъ Пропонтиды и посѣтивъ прочее побережье“, достигли „и Амастриды“, лежавшей на южномъ берегу моря. При разореніи Руссами гробницы св. Георгія тутъ произошло такое чудо: грабители „почувствовали себя разслабленными въ рукахъ и ногахъ“ и, „связанные невидимыми узами, оставались совершенно неподвижными“. Пораженный чудомъ, „предводитель“ грабителей, „давъ вольность и свободу христіанамъ, поручилъ имъ ходатайство предъ Богомъ и святымъ“, въ результатѣ чего „устраивается нѣкоторое примиреніе и сдѣлка ихъ съ христіанами“, и тѣ, которые

поклонялись рощамъ и лугамъ“, стали „уважать божественные храмы“¹⁾.

Такимъ образомъ, данные два житія даютъ намъ ясное удостовѣреніе, что въ началѣ IX в. какая-то Русь совершила, видимо, частые и серьезные набѣги по берегамъ Чернаго моря, хорошо была здѣсь извѣстна, являлась даже грозою для обитателей Черноморскаго побережья, и въ эту уже раннюю эпоху получила знакомство съ христіанствомъ и первыя съмени христіанскаго вѣданія. Справедливость этихъ сообщеній нашихъ житій о Руси въ IX в. подтверждается, съ одной стороны, современными арабскими писателями, немало рассказывающими о Руси и ея набѣгахъ въ это-же приблизительно время²⁾; съ другой-же стороны возможность такой ранней христіанизаціи Руси—начального ея, конечно, момента—стоитъ въ связи съ христіанизаціей къ IX в. части Хазаръ, Аланъ и Камскихъ Болгаръ, ближайшихъ сосѣдей и торговыхъ сотрудниковъ Руси.

Наконецъ, ясно и неопровергимо подтверждаетъ не только возможность, но и дѣйствительную наличность подобного рода набѣговъ Руси на Черноморскія побережья въ IX в. съ важными для христіанизаціи Руси послѣдовательными несомнѣнныи фактами нападенія Руси на Константинополь въ 860 г.—въ связи съ разными сопровождавшими его обстоятельствами.

200 ладій Руси, совершая нападенія по берегамъ Чернаго моря, 18 іюня 860 г.³⁾ сдѣлала нападеніе на самый Царь-

¹⁾ Объ этомъ житіи см. у В. Г. Васильевскаго „Русско-Византійские отрывки. Житіе св. Георгія Аматридскаго“—„Ж. М. Н. Пр.“ 1878 г., февр. и март. кн., также въ „Русско-Византійскихъ изслѣдованіяхъ“ его, помѣщенныхъ въ 9 вып. „Лѣтописи занятій Археографической Комиссіи“, СПБ., 1893 г. (отд. 2-й), также въ уп. ст. А. В. Карташова—„Христ. Чт.“ 1908 г.,—май и др.; есть немного и у Голубинскаго—см. прим. на стр. 57—58 въ I пол. I т. 2 изд.

²⁾ Они приведены въ русскомъ переводѣ въ книгахъ „Сказанія мусульманскихъ писателей о Славянахъ и Русскихъ“ А. Я. Гаркави, СПБ., 1870 г., „Извѣстія Ибн-Даста о хазарахъ, буртасахъ, болгарахъ“... изд. Д. А. Хвольсономъ, СПБ., 1869 г. и др.

³⁾ Точную дату эту дала „Σύνοψις ὡροντη“, найденная и опубликованная въ 1894 г. въ Брюсселѣ Ф. Кюмономъ—„Anecdota Bruxellensia“, I, Gand. 1894 г.; о томъ же событии говоритъ рядъ греческихъ писателей—патріархъ Фотій, продолжатель Єоффана и др.

градъ. Нападеніе это вызвало панику въ греческой столицѣ. Впрочемъ, Русь вскорѣ была отбита и, по свидѣтельству продолжателя хроники Феофана, „нѣмного времени спустя посольство ихъ прибыло въ Царьградъ съ просьбою сдѣлать ихъ (Русь) участниками въ святомъ крещеніи, что и было исполнено“, при чёмъ Русь, по словамъ патріарха Фотія, получила себѣ и епископа¹). Извѣстія эти нашли себѣ отраженіе и въ нашей лѣтописи.

Итакъ, мы имѣемъ несомнѣнныи фактъ крещенія Руси вскорѣ послѣ 860 г. съ учрежденіемъ даже здѣсь епископіи, и, дѣйствительно, въ росписи епархій императора Льва VI Мудраго (886—911 г.г.) въ концѣ IX в. мы встрѣчаемъ уже, въ ряду другихъ епархій Константинопольского патріарха, епархию русскую. Любопытно при этомъ, что патріархъ Фотій, современникъ данныхъ событій (патріархъ съ 858 г., умеръ 897 г.), въ бесѣдахъ своихъ по поводу этого именно нападенія Руси на Константинополь, называетъ Русь народомъ въ Византіи хорошо извѣстнымъ, „многократно прославленнымъ“—свою „жестокостю и скверноубийствомъ“²).

Такъ подтверждается дѣйствительность нападеній Руси на Византійскія владѣнія, описанныхъ въ житіяхъ свв. Стефана и Георгія, и вмѣстѣ окончательно утверждается фактъ знакомства Руси съ христіанствомъ въ третьей четверти IX в. Въ связи съ этимъ получаетъ особый интересъ сообщеніе Паннонскихъ житій свв. Кирилла и Меѳодія о встрѣчѣ около того-же времени „русина“ въ Корсунѣ и находкѣ Евангелія и Псалтири на „русскомъ“ языке.

Въ это приблизительно время св. Константина-Кирилла,—впослѣдствіи такъ много сдѣлавшій для всего славянства своимъ созданіемъ (или реформированіемъ) славянской азбуки и переводомъ священно-богослужебныхъ книгъ на славянскій языкъ,—предпринялъ свое путешествіе къ Ха-

¹) См., напр., статьи въ „Византійскомъ Временнику“—Х. М. Лопарева „Старое свидѣтельство о положеніи ризы Богородицы во Влахернѣ въ новомъ истолкованіи примѣнительно къ нашествію русскихъ на Византію въ 860 г.“—въ 4 вып. 2 т., 1895 г., А. Пападопуло-Керамевса—„Акаѳистъ Божіей Матери, Русь и патріархъ Фотій“—т. 10, вып. 3—4, 1903 г. и др., есть также и у Голубинскаго.

²) Бесѣды Фотія въ русскомъ переводѣ въ „Христіанскомъ Чтеніи“ 1882 г., сент.—октябр. кн.

зарамъ. Во время этой миссионерской поездки св. Константина не могъ не столкнуться съ Черноморскими или Тмутараканскими Руссами, ибо онъ шелъ, между прочимъ, дорогою „Козарькою на меотьское озеро и Капіскаа врата Къявканскихъ горъ“. И дѣйствительно, житіе Константина повѣствуетъ, что онъ „Херсона дошъдъ... и обрѣт же тоу евангелие и псалтырь роушкими писмены пъсано, и человѣка обрѣть глаголющта тою бесѣдою, и бесѣдовавъ съ нимъ, и силоу рѣчи пріемъ, своеи бесѣдѣ прикладае различіи писменъ, гласнаа и съгласнаа, и къ богоу молитвоу дръже, и вѣскорѣ начеть чисти и сказовати“. Итакъ, въ данномъ отрывкѣ¹⁾ „Паннонскихъ житій“ свв. Кирилла и Меѳодія мы имѣемъ чрезвычайно цѣнное показаніе о нашей Тмутараканской Руси: мы лишній разъ убѣждаемся въ существованіи христіанъ въ средѣ этой именно, близкой къ Херсонесу, Руси, въ общеніи св. Константина съ ея представителями и, наконецъ, въ существованіи у нихъ евангелія и псалтири на своемъ языкѣ.

Послѣднее обстоятельство вызвало особенно много разногласій при решеніи вопроса о томъ, на какомъ-же языкѣ были написаны евангеліе и псалтырь, найденные Константиномъ въ Херсонесѣ у Русина. Въ недавнее время больше всего старались подъ русскимъ языкомъ этихъ священныхъ книгъ разумѣть языкъ готскій—въ связи съ процвѣтаніемъ у насть одно время теоріи о готскомъ происхож-

¹⁾ Это мѣсто не разъ подвергалось со стороны ученыхъ сомнѣнію относительно подлинности его, считали его позднѣйшей вставкой; однако рядъ солидныхъ ученыхъ признаютъ его подлинность—напр., В. Г. Васильевскій въ упом. ст. о житіяхъ Стефана Сурожскаго и Георгія Амастридскаго, см. въ „Лѣтописи занятій Археограф. Комиссії“, вып. 9, СПБ. 1893 г., 295 стр., Ф. К. Брунъ (въ ст. „Черноморские готы и слѣды долгаго ихъ пребыванія въ южной Россіи“ во 2 т. „Черноморья, Одесса, 1880 г.“), В. И. Ламанскій (наприм., въ обширной ст. „Славянское житіе св. Кирилла какъ религиозно-эпическое произведеніе и какъ исторической памятникъ“—особ. въ іюн. кн. „Ж. М. Н. Пр.“ 1903 г.), Д. И. Иловайскій („Болгаре и Русь на азовскомъ піоморѣ“—„Ж. М. Н. Пр.“ 1875 г. кн. янв. и февр.), А. С. Будиловичъ (см. въ „Меѳодіевскомъ юбилейномъ Сборникѣ“, изд. Варшавскимъ Университетомъ, Варшава, 1885 г., его ст. „Нѣсколько мыслей о греко-славянскомъ характерѣ дѣятельности свв. Кирилла и Меѳодія“—въ гл. 4, стр. 27 и др.), чешскій проф. Fr. Pastrnek—„Dějiny slovanských apostolů Cyrila a Metoda“, v Praze, 1902 г., стр. 52—58 и др.

денію Руси¹⁾). Однако мы полагаемъ невозможнымъ принять въ данномъ случаѣ догадку о готскомъ переводѣ Св. Писанія: во-первыхъ, этого перевода, хорошо известнаго съ IV в., вовсе не зачѣмъ было искать св. Константина въ Крыму и онъ врядъ-ли могъ оказаться для св. Константина находкой необычной и неожиданной; во-вторыхъ, совершенно неожиданнымъ и непонятнымъ является разговоръ въ такомъ случаѣ св. Кирилла съ русиномъ „тою бесѣдою“, какою написаны св. книги; въ третьихъ, близость готского языка къ славянскому языку IX в. никѣмъ не доказана и вообще непрѣемлема²⁾, поэтому совершенно необъяснимо устанавливаемое житіемъ отношеніе данной находки св. книгъ на языкѣ „русина“,—если бы это былъ готскій языкъ,—къ дѣлу славянской проповѣди, изобрѣтенія славянской азбуки и перевода Св. Писанія на славянскій языкъ св. Константиномъ³⁾.

Проще и естественнѣе объяснить данную находку—какъ первый, мало еще удачный, опытъ передачи евангелія и псалтири (именно этихъ, наиболѣе необходимыхъ для новонаачальныхъ христіанъ, книгъ) на языкъ южно-приморской, близкой по мѣсту жительства къ Херсонесу, Руси, къ этому времени уже нѣсколько христіанизовавшейся⁴⁾. Это предположеніе о находкѣ св. Константиномъ въ Херсонесѣ первого опыта передачи Св. Писанія на русско-славянскій языкъ стоитъ въ соотвѣтствіи съ принимае-

¹⁾ Наприм., см. у Голубинскаго въ „Исторіи Русской Церкви“, 1 пол. 1 т., у И. И. Малышевскаго „Свв. Кирилль и Меѳодій, первоучители славянскіе“, Киевъ, 1886 и др.

²⁾ См., напр., критико-библіографическую ст. проф. А. С. Будиловича въ „Ж. М. Н. Пр.“ 1887 г. іюн. кн.

³⁾ А. А. Спицынъ недавно высказалъ догадку, что подъ встрѣченнымъ св. Кирилломъ въ Херсонесѣ „русиномъ“ нужно разумѣть представителя аланскої народности и священныя книги „русина“—считать книгами, написанными на аланскомъ языкѣ (см. ст. „Историко-археологическая разысканія“—Ж. М. Н. Пр.“ 1909 г., янв. кн.). Однако это не больше, какъ догадка, вызванная увлеченіемъ автора данными археологическихъ находокъ (срв. „Кievская Русь“ Грушевскаго, т. I, прим. 1 на 233 стр.), но не имѣющая для себя серьезныхъ основаній.

⁴⁾ Подобного рода мысль можно встрѣтить у Д. И. Иловайскаго въ уп. ст. „Болгаре и Русь на азовскомъ поморѣ“—„Ж. М. Н. Пр.“ 1875 г. кн. янв. и февр., въ февр. см. стр. 362, 353, 367,—но онъ допускаетъ тутъ письмена славянско-болгарскія; ближе къ нашей мысли—Н. А. Лавровскій и А. С. Будиловичъ,—см. статьи ихъ въ „Меѳодіев-

мымъ нынѣ въ наукѣ существованіемъ до св. Кирилла-Константина славянскихъ письменъ или—по крайней мѣрѣ—особыхъ несовершенныхъ знаковъ для письменнаго изображенія рѣчи¹⁾.

Вообще имѣющійся рядъ данныхъ приводить къ убѣждению, что въ третьей четверти IX в. и во всякомъ случаѣ ранѣе самаго конца этого вѣка Азовско-Тмутараканская Русь была въ значительной степени христіанизована—и именно при посредствѣ Византіи²⁾), причемъ имѣла у себя уже полученного оттуда епископа.

Теперь эта Русь,—по словамъ патріарха Фотія, „поставивъ себя въ чинѣ подданныхъ³⁾ и друзей“ Византіи,—свои военные походы должна была перенести отъ Византіи на другія страны, и, дѣйствительно, переносить съ Чернаго

скомъ юбилейномъ Сборникѣ“, изд. Варшавск. Университетомъ, Варшава, 1885 г.—ст. первого—„Кирилль и Меѳодій и начало христіанства въ Россії“ (особенно стр. 13—14) и второго „Нѣсколько мыслей о греко-славянскомъ характерѣ дѣятельности Свв. Кирилла и Меѳодія“ (преимущественно стр. 27—30).

¹⁾ Помимо указанія на это еще Черноризца Храбра о „чертахъ и рѣзяхъ“ докирилловской славянской письменности, важное значеніе имѣютъ находимыя новыя документальныя данныя,—таковы, напр., неразгаданные фрагменты найденного недавно въ Болгаріи—въ Абобѣ письма вмѣстѣ съ обнаруженными тамъ-же многочисленными знаками на строительномъ материалѣ,—тѣ и другіе принадлежать эпохѣ VIII в.,—см. „Материалы для болгарскихъ древностей. Абоба-Плиска“—10-й т. „Ізвѣстій Русского Археологического Института въ Константинополѣ“, Софія, 1905 г., см. особенно 8 гл., принадлежащую Ф. И. Успенскому, также 7 гл. К. В. Шкорпила; отзывы см. въ „Ж. М. Н. Пр.“: окт. кн. 1907 г.—М. Г. Попруженко и янв. 1908 г.—Д. Шестакова; см. также ст. А. С. Петрушевича въ 1 кн. 1 т. Научно-Литературного Сборника, изд. „Галицко-Русской матицы“ подъ ред. Дѣдицкаго, Львовъ, 1901 г.

²⁾ Имѣющіяся данныя говорять о воздействиѣ въ данномъ случаѣ именно Византіи; что-же касается болѣе близкой Иверіи, то участіе ея въ христіанизаціи Тмутараканской Руси — допустимо, но пока-лишь по чисто априорнымъ соображеніямъ, а не на основаніи опредѣленныхъ данныхъ; известная кн. еп. Киріона, къ сожалѣнію, ничего тутъ не выясняетъ.

³⁾ Сообразно византійскимъ понятіямъ, народъ, принимавшій изъ Византіи христіанство, eo ipso считался подвластнымъ блести-телю церкви—императору Византійскому.

моря—отъ владѣній Византійскихъ на Востокъ—къ морю Каспійскому¹⁾.

Академикомъ В. И. Ламанскимъ недавно сдѣлана была остроумная попытка—отнести походъ 860 г. къ Руси Киевской—Аскольдовой и къ ней-же—и послѣдовавшее въ связи съ этимъ походомъ крещеніе Руси съ полученіемъ епископа, а міссионерское посольство по этому случаю изъ Византіи на Русь,—понимаемую имъ въ смыслѣ Киева,—отожествить съ извѣстной хозарской міссіей Славянского первоучителя св. Константина—Кирилла²⁾. Киевскую Русь въ данномъ случаѣ Ламанский принимаетъ на томъ основаніи, что, строго придерживаясь норманской теоріи, не допускаетъ совершенно существованія южно-приморской Руси³⁾. Хозарскую-же міссию св. Константина нашъ ученый отожествляетъ съ крещеніемъ Руси послѣ похода 860 г., главнымъ образомъ основываясь на хронологической близости данныхъ двухъ событий и на близкихъ связяхъ Хозаръ съ южно-русскими племенами⁴⁾.

Дѣлая рядъ весьма любопытныхъ сближеній и сопоставленій, Ламанский не имѣеть однако у себя въ данномъ случаѣ твердой почвы подъ ногами—въ видѣ какихъ-нибудь подтверждающихъ его мнѣній документальныхъ данныхъ. Къ тому-же онъ выпускаетъ изъ виду слѣдующее: еслибы Киевская Русь была крещена мѣстнымъ княземъ и получила себѣ епископа въ 60 г.г. IX вѣка, то, просуществовавъ здѣсь подъ покровительствомъ власти не

¹⁾ Вопросъ о Черноморско-Тмутараканской Руси—вопросъ большой, нуждающейся въ особомъ разсмотрѣніи; его мы коснемся въ другомъ мѣстѣ.

²⁾ См. упом. большую его работу „Славянское житіе св. Кирилла какъ религіозно-эпическое произведение и какъ исторической источникъ”— „Ж. М. Н. Пр.“ 1903 г. кн.—апр., майск. іюн. и декабр., 1904 г.—кн. янв., апр., майск.

³⁾ Онъ приводитъ, впрочемъ, еще и такой аргументъ: приготовленія южно-приморской Руси къ нападенію на Византію не могли бы оставаться втайне отъ послѣдней, такъ какъ о нихъ донесли-бы заблаговременно въ Царьградъ греческія колоніи съ сѣвернаго берега Чернаго моря,—но вѣдь и о походахъ Киевской Руси,—напр., Игоря-Византія, какъ извѣстно, получала предупрежденія.

⁴⁾ Политическая связь Киева съ Хозарами въ 860 г.г. уже болѣе чѣмъ сомнительна.

мене 20 лѣтъ (до прихода Олега и Игоря—по лѣтописи въ 882 г.), христіанство пустило-бы здѣсь такие ростки, что потомъ задавить его было-бы уже трудно; между тѣмъ и въ первой половинѣ X в., и позже—при Святославѣ, мы не видимъ въ Кіевѣ достаточно замѣтныхъ слѣдовъ христіанства и сколько-нибудь опредѣленаго о прежнемъ его бытіи здѣсь преданія. Затѣмъ, странно было-бы появленіе въ Кіевѣ христіанскаго епископа въ 860 г.г., если онъ, не могъ утвердиться здѣсь, при отсутствіи къ тому благопріятной почвы, даже сто лѣтъ спустя—при христіанской княгинѣ Ольгѣ¹⁾). При томъ Кіевскому князю, при тогдашнемъ положеніи его власти по отношенію къ народному вѣчу, невозможно было бы просуществовать здѣсь въ роли князя цѣлыхъ 20 лѣтъ—послѣ того, какъ онъ крестился самъ и занялся крещенiemъ Кіевлянъ, при несомнѣнномъ холодновраждебномъ отношеніи народа къ христіанству, которое,—при тогдашней степени культурности и религіознаго развитія,—должно было быть въ Кіевѣ въ это время еще въ большей степени, чѣмъ спустя сто лѣтъ, когда Кіевъ ушелъ уже значительно впередъ въ культурномъ отношеніи и имѣлъ возможность постепенно, вслѣдствіе постоянныхъ торговыхъ сношеній, узнавать лучше христіанъ и ихъ вѣру. Наконецъ, можно-ли даже предположительно говорить о посѣщеніи св. Кирилломъ—Константиномъ Кіева, если объ этомъ не сохранилось никакого преданія и не осталось ровно никакихъ слѣдовъ его здѣсь дѣятельности²⁾?

Что же касается отрицанія Ламанскимъ факта крещенія южно-приморской Руси съ полученіемъ себѣ епископа на томъ основаніи, что въ Тмутаракани—древней Таматархѣ—епархіальный епископъ былъ еще въ VIII в. и, слѣдовательно, новаго незачѣмъ было послать,—то, во-первыхъ, по справедливому замѣчанію А. А. Спицына³⁾, „русскаго Тмутараканскаго епископа не слѣдуетъ смѣшивать съ

¹⁾ См. ст. нашу обѣ Ольгѣ—ж. „В. и Р.“ 1911 г. № 9.

²⁾ Нельзя же въ самомъ дѣлѣ серьезно говорить о договорахъ Олега и Игоря съ Греками, какъ о слѣдѣ дѣятельности въ Кіевѣ св. Кирилла,—какъ это дѣлаетъ Ламанскій, не находящій болѣе убѣдительныхъ аргументовъ для подтвержденія своей догадки.

³⁾ См. въ упом. ст. „Ж. М. Н. Пр.“ 1909 г. январ. кн. стр. 88, примѣч.

греческимъ епископомъ Матархи", а, во-вторыхъ, не нужно забывать, что въ данной мѣстности, въ связи съ происходившимъ измѣненіемъ политическихъ обстоятельствъ и перемѣнами въ мѣстожительствѣ здѣшнихъ народностей, должны были часто испытывать и дѣйствительно испытывали колебанія—и состояніе христіанства, и самыя епархіи, не имѣвшія здѣсь характера прочной незыблемости и непремѣнности.

Вообще—и В. И. Ламанскій, и поддерживающій его мнѣніе своими доводами Г. М. Барацъ¹⁾, основываясь при созданіи данной гипотезы лишь на догадкахъ и темныхъ намекахъ, не умѣютъ въ концѣ концовъ объяснить, почему-же все-таки о миссіонерской дѣятельности св. Кирилла въ Киевѣ не сохранилось ни преданій на Руси,—которые-бы могли дойти и до лѣтописцевъ XI—XII в.в.,—ни слѣда въ Паннонскихъ житіяхъ, а также кому это такъ нужно было вытравлять и сглаживать всѣ слѣды этой Киевской поїздки Кирилла. Между тѣмъ у автора этой гипотезы слишкомъ бросается въ глаза опредѣленная тенденція, проистекающая изъ вполнѣ понятнаго преклоненія предъ личностью Славянскихъ первоучителей и сознанія важнаго значенія ихъ и ихъ дѣла для всѣхъ Славянъ. Тутъ невольно напрашивается аналогія съ происхожденіемъ извѣстной легенды о путешествіи апостола Андрея въ Киевъ и Новгородъ²⁾.

Влад. Пархоменко.

¹⁾ См. его ст. „О библейско-агадическомъ элементѣ въ повѣстяхъ и сказаніяхъ начальной русской лѣтописи”—въ журналѣ „Україна“ 1907 г., март., апр., іюн. кн.

²⁾ Нѣкоторые доводы противъ данной теоріи Ламанского см. въ ст. Е. Е. Годубинскаго—„По поводу перестроя Ламанскимъ исторіи дѣятельности Константина“. С. „Изв. отд. русск. яз. и слов. И. Акад. Н.“, 1907 г. т. XII, кн. 2.